

ПОСЛѢДНІЯ ИЗВѢСТІЯ

№ 194 (631).

Ревель. Пятница, 25-го августа 1922 г.

III годъ изданія.

„Объ арифметикъ и вообще“.

Попалась мнѣ сейчасъ газета того же числа и того же августа, что и сегодня, но года — 1920-го.

Пробѣжалъ фельетонъ.

Изощрился въ юмористической гипербоѣ, фельетонистъ, между прочимъ, прикидываетъ сумму въ 100 долларовъ къ советскому курсу 22-го года. Именно къ курсу нашихъ нынѣшнихъ временъ.

Юмористамъ свойственно преувеличивать, и надо думать, фельетонистъ опредѣленно рассчитывалъ на эффектъ, приравнивая эти 100 долларовъ гигантской суммѣ въ одиннадцать милліоновъ. Иначе, почему бы ему было не хватить 100 милліоновъ.

Но явивъ оказалась лучшимъ юмористомъ, болѣе сближеннымъ въ преувеличеніи.

Подсчитайте. Сотня долларовъ выйдетъ не одиннадцать милліоновъ, а больше полмилліарда.

Вотъ и пойдѣ, тягаться съ жизнью!

Для этого нужно поваять, что ты когда-то изучалъ арифметику по „Евтушевскому“, дѣлалъ задачи изъ „Малинина и Буренина“ и въ видѣ шпаргалки вычерчивалъ чернилами на задокъ квадратъ пиагоровой таблички умноженіи.

Добытки тяжкими трудами знанія оказались теперь неприложимыми къ реальной жизни. Слишкомъ мелкотрапачто, ниванно!

Приходится или крестъ на себѣ поставить, или переучиваться заново, подлаиваясь подъ широкіе, планетарный размахъ советской современности. А какъ переучишься?

Попастъ, наприимѣръ, сейчасъ въ приготовительный классъ советской школы — назрѣла засмѣть мальчанина и дѣвчонки.

Предложимъ, выводемъ къ доскѣ учителя:

— Назовите-ка мнѣ, Орскій, какую-нибудь несобую круглую сумму.

— Гривенникъ.

— Оставьте шутки, Орскій! Мнѣ не на урокъ исторіи. Прошу относиться къ дѣлу серьезно! Скажите вы, Соломѣнъ!

— Двадцать милліоновъ.

— Отлично! Такъ вотъ — наши четыре товарища на улицѣ двадцать милліоновъ и рублѣны подымаютъ ихъ поровну. Попазли, Орскій?

— Попазли.

— Скажите теперь: по сколько каждому изъ товарищей достается?

Понимъ о только что полученной нахлобучкѣ за условіе въ область исторіи, позволивъ рублѣны придерживаться современности. Задумаемся.

— Ну что же, Орскій? Каждому достается... достается...

— По нѣсколько „колотыхъ“ рублѣ, а тому, кто послѣднѣ, — деньги.

Послѣ такого отвѣта учителя, надѣюсь, не сможете придираться къ отсталости. Но арифметически познания впередъ не подвинулись. Учитель махнулъ рукою и обратился снова къ тому же бойкому Соломѣну или какой-нибудь Пякинѣ.

— Пристыдите его, Пякина. По сколько достается?

— По два съ половиною милліона.

— Почему по два съ половиною?

— Пона вы Орского спрашивали, бумажный рубль успѣлъ явное упасть.

— Превосходно!

Да. Труднее было бы намъ переучиваться сызнова на младшей школьной ступени посреди новаго положенія, плавающего какъ рыба въ водѣ въ грандіозныхъ цѣфрахъ.

Одна уже мысль о томъ, какъ пришло бы изобразиваться, рѣшая традиционную задачу о пяти аршинныхъ сняго и восьми аршинныхъ чернаго суна, приводитъ меня въ трепетъ.

Задачниковъ советскихъ я не видѣлъ, ну, а въ газетѣ московскія заглаживали и признавали, онъ сильно подорвали во мнѣ довѣріе къ моимъ собственнымъ математическимъ способностямъ.

Не укладывается у меня въ голову, какимъ образомъ на одной страницѣ говорится о доходящести трестовъ, а на другой о томъ, что товаръ продается ниже себѣстоимости.

Пробовалъ я для наглядности переписать статьи на простодушный манеръ „Малинина и Буренина“ — получается приблизительно такое:

„Трестъ накопилъ 10 аршинъ чернаго суна, при чемъ каждый аршинъ обомелъ по 4 милліона. Сидящата продаждъ всѣ десѣтъ аршинъ на волюномъ рынкѣ по цѣнѣ 2 милліона за аршинъ. Сколько прибыли получено хозяиномъ треста и сидящата, советскимъ правительствомъ?“

По-нашему, по-старому, какъ при министръ Деановой обучали, выходитъ, что правительствомъ полученъ убытокъ въ 20 милліоновъ. Такъ бы и въ „отвѣтъ“ въ концѣ задачка значилось. Вагланулъ въ „отвѣтъ“ и спокоемъ.

А по-советскому — иначе.

Видѣсто „отвѣта“ въ той же газетѣ officialная статья. Смотри и увидишь, что никакихъ убытковъ нѣтъ — доходы. Дѣло въ такомъ порядкѣ, что суно хоть за границу экспортируй.

Повидимому, дѣло тутъ совсѣмъ не въ арифметикѣ, а въ грамматикѣ.

Такъ и есть.

Сообразительная Пякина изъ младшей советской ступени мнѣ много разъяснила бы, что слово „доходъ“ въ советской хозяйственной грамматикѣ никогда не бываетъ „существительнымъ“, а обычно — „прилагательнымъ“.

Государственного дохода не существуетъ, но къ товарищамъ-трестовикамъ онъ все-таки прилагается. И даже очень! Иначе, кто бы въ „Пръ“ ходилъ стерлядей кушать, и кто бы бѣдѣлъ въ „Отрубнну“ шампанское пѣть.

Неостыжности для насъ такіа грамматическая товности!

Кстати, зашла рѣчь о грамматическихъ тонностяхъ — приходится сознаться, что мы, упорные приверженцы „твердаго знака“ и буквы „Ѣ“, все-таки дали маху передъ болѣшевниками.

Мы только по старинкѣ втискиваемъ опасныя буквы на тѣ мѣста, гдѣ имъ по грамматикѣ Смирновскаго быть положено. А впередъ не идемъ. Болѣшники уничтожили уничтожили, но не повадился и использовать „Ѣ“ въ цѣляхъ мирового прогресса.

Суно и объ этомъ опять-таки по советской печати.

Читаю какъ-то „Гудокъ“. Агитъ-статья по вопросу объ электрофикации советской деревни. Знакомое! Провалился земля — знакомое!

Такая словеса въ статьѣ выкручены, что самому несообразному понятию: принадлежатъ эти словеса не заурядному журналисту изъ „Гудка“, а могучему мастеру и виртуозу русскаго языка.

Откуда бы, думаю, „Гудокъ“ это сляпывалъ?

Полчасъ ковалъ голову, припоминалъ — вспоминалъ. Охъ! Конечно же, охъ! Невабвенный, чарующій Антонъ Павловичъ Чеховъ. Изъ его „Свадебъ“ цѣлкомъ взято!

Помните, выпускалъ Чеховъ въ „Свадебѣ“ телеграфиста, который съ энтузіазмомъ отстаиваетъ свою электрическую науку отъ неистиннаго напаши, утврѣждающаго, что „электричество — жульничество одно.“ Такъ вотъ отъ-то телеграфистъ въ „Гудокъ“ и попалъ.

Какимъ способомъ попалъ — догадывалось.

Цензуровали, очевидно, при государственномъ издательствѣ Чехова. Видитъ цензоръ: телеграфистъ по фамили „Ять“. Рассуждаетъ: посподу „Ѣ“ выбрасываетъ и тутъ выбрасываетъ. Реплика телеграфиста всѣ до одной помыривалъ, подкалывалъ и при бумагѣ въ чека послалъ, нѣтъ ли чего-нибудь контръ-революціоннаго.

Изъ чека переслала для экспертизы въ главное управленіе по электрофикации (по принадлежности), а тамъ... Тамъ, естественно, пришли отъ доводовъ бойлаго телеграфиста въ восторгъ и использовали геніальный текстъ для пропаганды великой ленинской идеи.

Думаете, мое объясненіе сомнительно?

Не сомнѣвайтесь! Лучшее сами прочитайте да съ Антономъ Павловичемъ свѣрите.

Отъ статейки такъ и вѣетъ чеховской телеграфической ученостью — „они образованность свою хочутъ показывать, потому и говорятъ о непонятномъ.“ А до конца дойдѣш, невольно въ душѣ шевельнется по отношенію къ автору чеховская же реплика:

— Огдѣйте мнѣ мою билетку!

„Ять“! Никто другой, какъ „Ять“ изъ „Свадебъ“! Масштабъ только погрѣдѣннѣе, какъ и все въ советской Россіи.

Почитаешь такого электрофизикатора и думаешь за всѣ русскій народъ:

— Отдай-ка намъ, товарищъ электрофизикаторъ, и билетку, и брови, и рубашку по-сайкою, съ народа снятую. Пустятъ ты мать-Россію по-міру, а электричество твоѣ, убей Богъ — жульничество. Образованность своимъ ты не показывай, а „непонятнаго“ наговорилъ свыше мѣры.

Плохо намѣ дѣло, господа эмигранты! Ушли мы отъ русской советской действительности и стали хуже малыхъ ребятъ или полуграмотной чеховской дѣвочки.

Забиваютъ насъ.

Въ арифметикѣ забиваетъ любамъ Пякина изъ младшей ступени советской трудовой школы.

Въ грамматикѣ, а кстати и въ физикѣ — телеграфистъ „Ять“.

Всѣ-то отъ мала до велика въ совденіи приспособились къ масштабу новыхъ цифръ, новой нравственности, новой промышленности (промысливать, кто во что гораздъ), а мы съ нами сидимъ адѣсь и мохотъ неуматурности обростаемъ.

Что еще впереди будетъ при новыхъ завоеваніяхъ советскаго прогресса! Умъ кружится!

Можетъ быть, черезъ два года попадется мнѣ такими же августовскими днями этого самаго мой же фельетонъ. Прочитаю я его и подумаю:

— Попежалъ я въ 22-мъ году на то, что фельетонистъ 20-го года опомалъ передъ жизнью. А 24 годъ и меня губилкаго учить: не рыпался бы съ своими выдумками.

Навѣрняка въ 24 году придется извѣдѣть подобнымъ горькимъ мыслямъ, если русскимъ финансамъ все еще будетъ вѣдать наркомфинъ, а электрофикаціей — совнархозъ.

Остается надѣяться, что ни того, ни другого учрежденія къ этому сроку не окажется.

Иначе не только школьники и „Ять“ — мизантропы грустные станутъ посмѣиваться надъ нашей отсталостью.

Орскій.